

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 1 (42)

январь —

февраль

2017

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.

Периодичность — 1 раз в два месяца

Учредитель и издатель:

республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012, выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала

ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абламович,

доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА,
заместитель главного редактора,
кандидат социологических наук, доцент;

Н. Л. ПУЗЫРЬВИЧ,
ответственный редактор, кандидат
психологических наук;

И. Ф. БЕДУЛИНА, кандидат
социологических наук, доцент;

О. В. ВАНИНА;
С. М. КОСТЕВА, кандидат
психологических наук, доцент;

Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;

Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических
наук, профессор;

Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических
наук, профессор;

О. В. МАТЮХОВА;

Т. И. КРАСНОВА, кандидат
психологических наук;

А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат
психологических наук, доцент;

А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических
наук, профессор;

Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат
психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ,
председатель, доктор философских
наук, профессор;

А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических
наук, профессор (РФ);

Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических
наук, профессор;

Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;

А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских
наук;

П. МЕРИНГОЛО, профессор
департамента психологии (Италия);

Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат
педагогических наук;

Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор
психологических наук, профессор;

И. А. ФУРМАНОВ, доктор
психологических наук, профессор;

Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии
(США);

В. А. ЯНЧУК, доктор психологических
наук, профессор

Содержание

К 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского

Е. Е. Кравцова

Л. С. Выготский и современная психология ————— **3**

Замещающая семья

А. В. Пелячик, Е. И. Захарова

Особенности ожиданий будущих родителей
относительно приемного ребенка ————— **10**

Задайте вопрос психологу

Н. Л. Пузыревич

Как полюбить себя ————— **16**

Практикум для профессионала

С. В. Тарадайко

Агрессивные проявления в поведении ребёнка
среднего школьного возраста ————— **20**

Человек в социуме

В. Б. Пархомович

Психологические задачи больного
на терминальных стадиях болезни ————— **24**

Н. В. Козырева

Типы стигмы и формы стигматизации детей
в дошкольных образовательных учреждениях Республики Беларусь ————— **34**

Дискуссионный клуб

Т. И. Краснова

Мечты об индивидуализации обучения и практика тьюторства ————— **44**

Академический портал

В. И. Слепцова

Ценности родительских семей девушек
с нарушениями пищевого поведения ————— **55**

Г. А. Бертынская

Метафора: эвристические возможности
психологической практики ————— **65**

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных фактов и цитат. Редакция может печатать материалы в порядке обсуждения, не разделяя точки зрения авторов.

МЕТАФОРА: эвристические возможности психологической практики

Аннотация: Данная статья затрагивает вопросы использования метафоры в консультативной и психотерапевтической деятельности, освещает основные направления и возможные варианты работы с метафорическим содержанием как метапосланием требующим своего распредмечивания.

Ключевые слова: метафора, ре-о-нанс, смыслопорождение.

Со времен известных статей «Смысл и значение» П. Фреге и «Логические исследования» Э. Гуссерля в теоретических работах идет поиск ответа на вопрос: совместимо ли функционирование метафорического смысла с дискурсивной связью между смыслом как объективным содержанием выражения и представлением — его ментальной актуализацией в форме образа и ощущения.

В рамках феноменологической и герменевтической традиции для решения данного вопроса ученые-теоретики прибегают к анализу механизмов образования метафоры и интерпретации ее значений, полагая, что метафора — это не загадка, а решение загадки. Ее яркость заключается в способности

**Лидия
Александровна
ВЕРТЫНСКАЯ,**

*преподаватель
кафедры
социальной
и семейной
психологии БГПУ
им. Максима Танка*

«показывать» смысл, который она выражает. П. Рикер, настаивая на исследовании способности метафоры к передаче информации и ее притязаний на достижение истинного проникновения в реальность, ориентирует на новые возможности в переписывании мира и состояний на основании порождаемых метафорой семантических сдвигов в языке, подкрепленных процессами воображения и ощущения [9, с. 417]. Он пишет: «...нет ничего зазорного в том, чтобы чему-то поучиться у психологов, особенно если речь идет о психологии операций (а не элементов, над которыми они производятся). Это касается, в частности, гештальтпсихологии, которая,

применительно к феномену изобретения, показывает, что любое изменение структуры включает момент внезапного озарения, когда возникает новая структура, разрушающая и преобразующая предшествующую конфигурацию» [8, с. 440]. Как раз этом соединении озарения и расчета, интуиции и конструкции состоит семантический парадокс метафоры, который можно представить как «переклеивание этикеток», в результате чего рождается «гармония предиката, обремененного прошлым, и объекта, который смиряется, сопротивляясь» [8, с. 440]. Иными словами, создание метафоры происходит посредством столкновения слов, в результате которого осуществляется сдвиг с центрального значения (сигнификации) в пользу маргинального (диапазон коннотаций). Такая операция подчеркивает креативный характер метафоры, делая ее элементом творческого процесса.

Теоретические положения о метафоре как проблеме рождения нового смысла сыграли значительную роль и в практическом контексте. В психотерапии и консультировании с ее помощью удается произвести перевод символов языка на уровень непосредственных взаимоотношений, жизненных сценариев, ценностей и убеждений личности. Соприкосновение с опытом подобным косвенным способом дает возможность приблизиться к разрозненным, тревожным частям этого опыта, которые слабо осознаются, либо вовсе находятся вне осознания. Метафора в данном случае выступает средством, позволяющим «схватить», условно обозначить и, при интенсивной рефлексии, найти ранее недоступный для клиента смысл. Способствование психотерапевта установлению

челночной связи между символической и актуальной реальностью позволяет клиенту осуществить сдвиг от буквального значения метафоры к переносному, связанному непосредственно с его жизненными обстоятельствами. Таким образом, можно полагать, что во время работы с метафорой движение в сторону смысловой новизны открывает перспективы для ассимиляции и интеграции обособленных частей опыта клиента, изменения его видения сложившейся ситуации.

Так, в качестве основной предпосылки работы психотерапевта может выступать идея о том, что метафора детерминирует восприятие личности о происходящем; ее трансформации позволяют расширять видение мира клиентом, обнаруживать новые, прежде не рассматриваемые варианты и альтернативы. В таком случае психотерапевтической целью может быть осознание клиентом своей доминирующей стереотипной метафоры и формирование новой, осознанной и конструктивной. В заданном контексте М. Уайт так описывает свою работу: «Эмпатия, конечно, очень важна, но меня больше интересует резонанс. Причем резонанс не только на вербальном, словесном уровне. Образ, метафора запускает волну, которая создает резонанс в других людях; волна распространяется не только в пространстве, но и во времени. Резонанс способствует смыслопорождению и насыщенному развитию историй» [11, с. 213].

Метафоры являются «феноменами, обеспечивающими понимание» [4, с. 208]. Они очерчивают границы и возможности деятельности; позволяют незнакомый или непонятный опыт привести к хорошо знакомому, а сте-

реотипизированный — увидеть через нечто неожиданное. Однако зачастую ключевые метафоры ограничивают человека, останавливают процесс его творческого приспособления и не дают ему использовать те ресурсы, которыми он обладает. Так, примерами дезадаптивных метафор могут служить образы, использованные людьми, обратившимися за психотерапевтической помощью: «жизнь — это лифт, сломавшийся между этажами»; «основные события моей жизни — это иглы, пронзающие душу»; «жизнь — монотонный плохой спектакль». Эти метафоры делают акцент на беспомощность человека, травмы и неспособность с ними справиться, ощущаемую искусственность и неподлинность жизни, игнорируя при этом его субъектные характеристики — активность, волю, творчество. Если подобная метафора ложится в основу мироощущения человека, он теряет доступ к своей субъектности и вынужден подчиняться обстоятельствам, причем оценивая их чрезвычайно негативно.

При этом необходимо отличать терапевтическую метафору от литературной, поскольку литературная вовсе не обязательно имеет целебные свойства. Обе они способны вызывать у читателя или слушателя синхронность восприятия метафоры и ее содержания. Однако задачей литературной метафоры является создать ощущение близости образа, увлечь читателя, даже если описывается переживание или событие ему незнакомо или достаточно отстранено от его личного опыта. Терапевтическая же метафора «ставит своей задачей изменение, новое толкование, создание новой шкалы ценностей. Чтобы получить такой результат, терапевтическая метафо-

ра должна обладать образностью литературной и быть ситуационно близкой личному опыту клиента. В этих метафорах заключается главный терапевтический принцип — человеку следует искать ответы, решения, возможности, ресурсы внутри себя» [6, с. 55—56]. Использование метафоры позволяет прикасаться к тревожащим клиента областям не директивно, не напрямую. Дж. Миллис и Р. Кроули пишут: «В этом и заключается некая утонченность терапевтической метафоры. Смысл рассказано «попадает в точку», но каким-то удивительно отстраненным путем. Проблема хоть и высвечивается, но предстает спокойно расплывчатое повествование хоть и пробуждает скрытые возможности и способности, но неким обобщенным и отнюдь не напористым способом» [6, с. 57].

Работа с метафорой может проводиться по-разному.

«Ресурсная» метафора может быть дана клиенту извне, часто при введении последнего в трансовое или гипнотическое состояние. Пример такой работы — «Человек из февраля», набор значимых позитивных воспоминаний о не существовавшем человеке, под гипнозом «встроенный» М. Эриксоном в воспоминания клиентки. Так и притчи, терапевтические сказки, совместное с терапевтом сочинение историй имеют своей целью актуализацию новых образов и «систем отсчета» в сознании человека и построены на том, что рассказчик (терапевт) является «донором», а клиент — «реципиентом» образов. При такой форме работы с метафорой акцентируется роль психотерапевта, который либо интерпретирует метафору (символдрама, юнгианская аналитическая традиция), либо составляет метафору, изоморфную проблеме клиента,

в которой иносказательно предоставляет ему возможность другого поведения в проблемной ситуации (сказкотерапия, НЛП).

Метафора может быть обнаружена и в уже имеющихся рассказах клиентов. Так, у Ф. Е. Василюка есть специальная техника майевтических вопросов, позволяющая выявлять имеющиеся у клиента, но не до конца сформулированные представления. Практики нарративного подхода фиксируют в речи клиента фрагменты двух историй — проблемно-насыщенной и предпочитаемой (той, которая представляется ему на данный момент жизни наиболее благополучной), и затем помогают ему сделать более насыщенной и актуальной предпочитаемую историю. Собственная метафора человека содержит постановку личностной проблемы и индивидуально возможный и предпочитаемый способы ее решения, которые отсутствуют в рациональном представлении. Именно поэтому она обладает таким влиянием.

Наличие нестертой метафоры в тексте практически всегда говорит о том, что описываемое явление не однозначно просто и для того, чтобы быть описанным, нуждается в привлечении специального образа. Метафоры, которые распознаются как таковые, маркируют определенные места в тексте, на которые рассказчик обращает внимание слушателя. Поскольку метафоры несут в себе неоднозначность толкования, они возбуждают внимание и интерес воспринимавшей стороны. Метафора может служить тем, что в рамках нарративного подхода называется «точкой входа» — пунктом вовлечения рассказчика и собеседника в глубину истории. Деконструкция ме-

тафоры позволяет больше узнать об уникальном опыте рассказчика и зачастую вывести его на «предпочитаемую историю». М. Уайт в книге «Карты нарративной практики» пишет: «Кроме всего прочего, беседы, выделяющие уникальные эпизоды, обеспечивают людям возможность озвучить намерения, связанные для них с собственной жизнью, и в большей степени войти в контакт с тем, что для них ценно. В результате у них создается опора, трамплин, основа для того, чтобы разбираться со своими проблемами, дилеммами и сложными жизненными ситуациями» [1, с. 242]. Для исследования личного опыта клиентам предлагается насыщено описать события из конкретных, близких опыту примеров. Разумеется, что не все описание опыта строятся с помощью метафор, однако вполне очевидно, что этот инструмент чрезвычайно здесь подходит, так как он позволяет создавать яркие, насыщенные, неплоские образы пережитого, обладающие смыслом для рассказчика.

Представители разных направлений психологии свидетельствуют о ценности метафоры для интеграции личности и ее развития. Сказкотерапевт К. Богословская утверждает, что процесс сочинения волшебной истории о себе и для себя непосредственно обращен к самопознанию и самоизменению. Метафора, подобно сказке, позволяет создавать специальный язык для разговора о себе; она имеет динамику, которая документируется в тексте; проделанная над собой работа вербализуется, запечатлевается в истории; формируется навык облечения произошедшего в слова; написанное происходит только в режиме проживания — а значит, субъект получает доступ к архетипическим образам, содержащимся в культуре.

П. Пэпп акцентирует интегрирующие возможности метафоры следующим образом: «Метафоры обеспечивают структуру, в которой разрозненные факты и события можно увидеть в их взаимоотношении друг с другом. Язык пояснительный изолирует и расчленяет, описывает одно событие вслед за другим в линейной последовательности. Язык фигуральный синтезирует и комбинирует, объединяя различные уровни мышления, чувствования и поведения в целостную картину, которая дает психотерапевту круговую перспективу» [7, с. 166].

П. Вацлавик сходным образом описывает язык изменения как «язык воображения, метафор, *paraprototo*, возможно, символов, но, определенно, синтеза целостности, а не аналитического расчленения». Дж. Зинкер, утверждающий значимость категории эстетики для человеческих отношений и психотерапии, также отмечает: «Наши поиски хорошей формы и психотерапевтическая практика показывают, что «хорошая форма» — понятие субъективное, интуитивное и метафорическое» [3, с. 21].

Терапевт, работающий с метафорой клиента, стремится обратить внимание на то, насколько она связана с культурным, семейным или эмпирическим опытом и насколько именно этот опыт вносит ограничения в жизнь клиента и формирует его проблему. Так, терапевт может концентрироваться на буквальном смысле метафоры, расширяя телесный опыт клиента, а может делать акцент на концепции мира, то есть на ментальном аспекте. Более того, для работы с метафорами, ограничивающими опыт клиента, необходимо *путешествие в другую метафору*, расширяющую этот опыт. В гештальт-терапии для этого анализируется, как замаскирована проблема в символической манере сообщаемого

о себе клиентом с дальнейшим погружением в более широкий социокультурный контекст для последующего ее осмысления [1, с. 523]. Цикл проживания метафоры рассматривается с точки зрения цикла контакта, который предполагает деятельность по распознаванию актуальной потребности и включает три этапа [1, с. 524]:

1. Выделение метафоры из фона

(метафора является ключевой фигурой): клиент в метафорической форме рассказывает о своем состоянии или делает это, побуждаемый психотерапевтом, если сам не может вербально характеризовать свое состояние или проблему. Так появляется фигура в виде метафоры, которая подлежит дальнейшему исследованию. Это соответствует работе с конфлюэнцией и интроекцией — запретные чувства принимают метафорическую форму и находят вербальный выход.

2. Работа по ассимиляции проекции:

клиент может идентифицироваться с различными проективными образами и ассимилировать принадлежащие ему чувства и желания. По Ф. Перлзу, это работа с частями спроектированного образа, когда клиент поочередно становится каждой из частей и в то же время целостно проживает их. Каждый образ является репрезентацией существования в прошлом и настоящем. Целостное проживание позволяет клиенту выразить болезненную или конфликтную ситуацию, относящуюся к данному образу, без знания о том, что правильно, а что нет.

3. Когда проекция ассимилирована, клиент получает возможность **ориентироваться в своих потребностях**. Посредством метода «интуитивного прыжка» («челнока») психотерапевт способствует

прояснению актуальных связей между созданной клиентом метафорой и его жизнью. Таким образом, на основании представленного символического содержания метафоры последний получает возможность понять свою потребность и кому она адресована.

Таким образом, практическая работа с метафорой базируется на ее осознании и осознании степени влияния на поведение и жизнь клиента, при этом чаще всего она служит нескольким целям:

— контакту с тревожащими, сложными для выражения, отвергаемыми чувствами, желаниями, личностными качествами;

— контакту с незавершенной ситуацией, отсутствующим значимым человеком;

— исследованию неизвестного в будущей ситуации или безопасному возвращению в прошлое;

— выявлению новых и неизвестных аспектов самого себя, которые в реальной жизни еще никак не проявляются;

— прояснению терапевтических отношений, где метафора может служить маркером того, что происходит в терапевтическом процессе.

При этом работа может осуществляться не только с вербальной, но и с телесной метафорой [5]. Технически принципы работы схожи, но во втором варианте акцент делается на установлении связи между симптомом и жизнью клиента.

Если рассматривать возможности использования метафор в групповой работе, то в данном контексте особое значение приобретает понимание межличностного гештальта (Э. Гринберг), то есть формирование фигу-

ры — фона в межличностных отношениях. Условно выделяют несколько стадий развития метафоры в группе, с которыми можно ознакомиться в статье Р. П. Ефимкиной «Развитие метафоры в групповом процессе».

Суммируя накопленные знания о метафоре, можно выделить следующие ее характеристики, пригодные для целей психологической практики [2]:

- **иносказательность:** метафора — это своеобразное метаослание, адресованное другому человеку. Она дает возможность разговаривать и думать об одних вещах в терминах других (метафорически переосмыслить новый опыт старыми категориями и наоборот, сохраняя исходное значение), при этом прося собеседника понимать репрезентируемый в сообщении смысл и связанные с ним эмоциональные ощущения. В то же время она позволяет называть чувства, которые традиционно находятся под социальным запретом, без риска получить отвержение;
- **творческий характер:** взаимодействие клиента и терапевта способно доставлять огромное эстетическое удовольствие, энергетизируя участников процесса, раскрывая и задействуя их интеллектуальные и эмоциональные ресурсы. Кроме того, метафору можно рассматривать как процесс и результат со-творчества, который дает ощущение причастности к миру общечеловеческих ценностей;
- **новизна:** создается ввиду того, что одна область вещей выражается через другую и появляется что-то, что было упущено при ассоциированном взгляде на предмет или проблему;
- **архетипичность:** во время психотерапевтического процесса метафоры

задают способ понимая обсуждаемой предметной области, связанной с символично-архетипической основой сознания, подчеркивающей схожесть общечеловеческих потребностей и форм их выражения;

- **экспрессивность:** метафоры являются важным средством выражения трудного для вербализации опыта, сопряженного чаще всего с разрозненными, слабо оформленными, травматичными переживаниями. К тому же именно посредством метафоры терапевту предоставляется возможность уловить эмоционально-оценочный контекст символического послания клиента.

Среди прочего, в лингвистической, социологической и психологической литературе обозначаются **функции**, выполняемые метафорами; они во многом схожи, но в контексте консультирования и психотерапии в качестве наиболее существенных могут быть определены следующие: *диагностическая, проясняющая, диссоциирующая, коммуникативно-мануальная, развивающая* [10].

Резюмируя сказанное, важно отметить, что основным достоинством использования метафоры в качестве практического инструмента является возможность работать внутри индивидуальной системы языка и образов человека, что повышает точность и экологичность терапевтического воздействия. Предоставляя собой способ общения опыте, метафора отражает эмоциональное и соматическое состояние людей, а также косвенно содержит в себе информацию об их переживаниях, смущениях, потребностях. Она воспринимает реальность в символической форме, погружение в содержание которой способствует осознанию неизвестного, малопонятного или тревожащего опыта. Таким образом, использование

метафоры в психологической практике позволяет обнаруживать личностную проблему, концентрироваться на ней посредством интерпретации переносных значений, делая прослеживаемой для человека актуальную связь между созданной им метафорой и жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булюбаш, И. Д. Руководство по гештальт-терапии / И. Д. Булюбаш. — М.: Изд-во Института терапии, 2004. — 76 с.
2. Ефимкина, Р. П. Развитие метафоры в групповом процессе / Р. П. Ефимкина, М. Ф. Горлова // Журнал практического психолога. — 1998. — № 4. — С. 103—109.
3. Зинкер, Дж. В поисках хорошей формы / Дж. Зинкер. — М.: Класс, 2000. — 157 с.
4. Лаккофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лаккофф, М. Джонсон. — М.: Учитель, 2004. — 256 с.
5. Ласая, Е. Телесные метафоры в гештальт-терапии / Е. Ласая // Лекции по гештальт-терапии МИГиК [Электронный ресурс]. — 2003. — Режим доступа: <http://www.gestalt-praktov.ru/page.php?id=190>. — Дата доступа: 15.10.2016.
6. Миллс, Дж. Терапевтические метафоры для детей и «внутреннего ребенка» / Дж. Миллс, Р. Кроули. — М.: Класс, 2005. — 144 с.
7. Пэпп, П. Семейная терапия и ее парадоксы / П. Пэпп. — М.: Класс, 2006. — 288 с.
8. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры / сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — С. 435—455.
9. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры / сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — С. 416—433.
10. Трунов, Д. Использование метафор в психотерапевтической работе / Д. Трунов // Журнал практического психолога. — 1997. — № 1. — С. 14—21.
11. Уайт, М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию / М. Уайт. — М.: Генезис, 2010. — 326 с.